

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ: НА ГРАНИЦЕ НАРОДОВ, КУЛЬТУР, ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-16-25

© А. Е. ТРОФИМОВ

«КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ О НАРОДЕ ОСТЯЦКОМ» (1715) Г. И. НОВИЦКОГО КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ*

В истории освоения Сибири в XVIII веке важную роль сыграли православные миссии, целью которых было как поддержание духовной жизни русских переселенцев, так и обращение в христианскую веру аборигенного населения осваиваемых территорий. Православные монастыри (а в 1620 году — и епархия во главе с архиепископом Киприаном Старорусенковым) были основаны в первой трети XVII века в Тобольске,¹ который позже стал основным центром религиозного просвещения в Западной Сибири. Этот город имел функцию центра религиозной жизни Зауралья и в XVIII веке, будучи тесно связанным с деятельностью митрополита Филофея Лещинского (1650–1727). Помимо расширения тобольского кафедрального Софийского собора и организации церковного образования, к заслугам Филофея относят и активную миссионерскую деятельность. Попытки крещения языческих народов Сибири предпринимались митрополитом и в середине 1700-х годов, о чем свидетельствует ряд неудачных попыток отправки миссионеров к камчадалам и остякам в 1705 и 1706 годах соответственно.² Большую же известность Филофею принесла миссионерская кампания 1711–1715 годов среди остяков и вогулов, руководимая лично митрополитом по указу царя. Согласно указу Петра I, аборигенам следовало «креститься вполгода <...>, а если не примут крещения, то поместья и вотчины вместе с крестьянами отписывать на Великого Государя».³ Настоящая статья посвящена одному из участников этой миссии — Григорию Ильичу Новицкому — и его книге «Краткое описание о народе остяцком» (1715), которая получила статус первого этнографического труда на русском языке.

О самом этнографе до сих пор доступна лишь крайне скудная информация. Известно, что он — сын запорожского полковника Ильи Федоровича Новицкого,⁴ выпускник Киево-Могилянской академии, охочекомонный⁵ полковник, свояк Филиппа Орлика, зять Павла Герцика и бывший сочувственник Ивана Мазепы.⁶ За искреннее раскаяние после участия в мазепинском мятеже будущий этнограф был помилован Петром I и сослан в Западную Си-

* Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 24-18-00856, <https://rscf.ru/project/24-18-00856/>, ИРЛИ РАН.

¹ *Нестор, иером.* Историческая справка о православном просвещении в Сибири. СПб., 1910. С. 3.

² См.: *Сулоцкий А. И.* Святитель Филофей, митрополит Сибирский и Тобольский, просветитель сибирских инородцев. Омск, 1882.

³ Цит. по: *Асочакова В. Н., Чистанова С. С.* Миссионерская деятельность как фактор освоения Сибири в XVII–XIX вв. // *Genesis: исторические исследования.* 2018. № 12. С. 126.

⁴ *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник: В 5 т. Киев, 1912. Т. 3. С. 669–670.

⁵ Вольнонаемник конных полков.

⁶ *Білокінь С. І.* Новицький Григорій Ілліч // *Енциклопедія історії України: У 11 т. Київ, 2010. Т. 7. С. 452.*

бирь. В этих землях в статусе секретаря Новицкий сопровождал митрополита Филофея Лещинского в 1712–1715 годах в миссионерских поездках к остякам и вогулам, предпринятых по прямому поручению государя с целью искоренения языческой веры. Ни дальнейшая судьба, ни обстоятельства смерти Новицкого не известны.

О Новицком говорят главным образом как об авторе одной книги — «Краткого описания о народе остяцком». Известно, что в 1716 году еще не изданной рукописью воспользовался немецкий драгунский капитан И. Б. Мюллер, который впервые и издал этот труд в 1721 году на немецком языке под названием «Жизнь и обычаи остяков» («Das Leben und die Gewonheiten der Ostjaken») в качестве приложения к книге ганноверского резидента при Петровском дворе Ф. Х. Вебера «Преображенная Россия» («Das Veränderte Russland»).⁷ Долгое время имя Новицкого никак не фигурировало в истории этнографии, а первое этнографическое произведение распространялось только в списках.⁸ В частности, одна из рукописей этого труда в начале XVIII века имела в библиотеке Академии наук, куда поступила из академической канцелярии. На сегодняшний день сборник с этой рукописью находится в Рукописном отделе Библиотеки Российской академии наук (шифр — 23.3.8).⁹ Помимо текста «Краткого описания о народе остяцком» (фигурирующего там под заголовком «О крещении остяков и прочих иноверцев в Сибирской губернии») без указания автора, в рукописи присутствуют также два неизвестных в литературе текста: «Описание Сибирская страны, которая из древних лет в Козмографиях и историях и повестех именовалася многими именами...» и «Описание сибирских митрополитов и архиепископов и в кои лета в Сибири в Тобольску изволением божиим устроился престол архиерейский». Лишь в 1884 году видным этнографом и исследователем литературы Л. Н. Майковым по рукописям, сохранившимся в Тобольске, была издана полная русскоязычная версия книги с предисловием. Позднее, в 1941 году, в Новосибирске был повторно издан текст книги с предисловием П. И. Скороспеловой.¹⁰ В 2018 году впервые предпринимается попытка издания «Краткого описания...» в переводе на современный русский язык в Тюмени издательством «Русская неделя».¹¹ Лишь единожды «Краткое описание...» увидело свет за рубежом: в 1973 году профессором Сегедского университета Иштваном Феринцем по новосибирскому изданию был выполнен перевод на венгерский и издан с предисловием академика Петера Хайду.¹² В настоящее время рукопись книги Новицкого хранится в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (шифр — В-751).¹³

⁷ Майков Л. Н. [Предисловие] // Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884. С. VI.

⁸ Горленко В. Ф. Украинский экземпляр рукописи сочинения Григория Новицкого «Краткое описание о народе Остяцком и Вогульском и о крещении их» // Советская этнография. 1963. № 6. С. 112–113.

⁹ См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1971. Т. 3. Вып. 3. Исторические сборники XVIII–XIX веков. С. 73–74.

¹⁰ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941.

¹¹ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. Тюмень, 2018.

¹² Novickij G. Rövid leírás az osztják népről (1715) / Ford. I. Ferincz; bev. P. Hajdú. Szeged, 1973 (Studia uralo-altaica; vol. 3).

¹³ Описание см.: Ромодановская Е. К. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26. Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. С. 345; Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Томск, 2009. Вып. 2. XVIII век. С. 14–15.

До сих пор «Краткое описание...» рассматривалось в научной литературе с источниковедческой точки зрения — главным образом как источник ценнейшей информации о быте, верованиях и истории хантов и манси в начале XVIII века.¹⁴ Обратить внимание на его литературное начало видится нам необходимым для выявления образа Сибири и остяцкого народа (как «другого» пространства и его представителей), формировавшегося в художественном сознании представителя западнорусского служилого сословия Петровской эпохи.

С композиционной точки зрения «Краткое описание...» разделено на восемь глав и делится на две большие части — условно описательно-этнографическую (главы 1–3) и повествовательно-историческую (главы 4–8). Кроме того, в книге присутствуют два вступительных текста — посвящение князю М. П. Гагарину и вступление от лица автора к читателям.

Уже само посвящение имеет ряд риторических особенностей.¹⁵ Оно, по сути, представляет собой классический прозаический панегирик, написанный в духе западнорусских литературных традиций Киево-Могилянской академии. Посвящение начинается типичным барочным восхвалением адресата и ритуальным авторским самоумалением: «Величество преславных и превеликих дел сеятелства вашего, еже все православие, всю подсолнечную неописанным, не объемлемым наполни торжеством: не моего неудобства бысть се могутство достойно изобразити, еже ныне с раболепным преклонением егда приношу, сумнения и ужаса исполнен: яко недоволен есть противно величества дел сеятелства вашего, сиятелинейший и благороднейший князь, усумнетися во истинну...».¹⁶ В том же духе предисловие продолжается до середины. Образ остяков появляется в интересном обрамлении: «Егда сей дивий, Остяцкий (и Вогульской) народ кротостию и благоразумием прытяжа благочестию, власть бо ярости исполнена не возмогла бы быти <...> зане дивий сей народ трепетен, звероподобен, страха нетерпелив. <...> аще бы не щедролубивая десница сиятелства вашего кротостию и благоутробием прытяжала благочестию, удивлению и чудеси достойная».¹⁷ В такой типичной для христианской идеологии антитезе «мягкой силы» кротости (в лице князя Гагарина) языческой ярости вырисовывается первостепенная для автора книги доминанта образа сибирских инородцев — как заблудших душ, требующих наставления на путь истинный.

Интересно и то, что прозаический текст предваряется поэтическим:

Пама¹⁸ с отраслю на крест суть сложенны
 Знамением веры суть крест свято почтенны,
 Связанна в едино любов знаменуеть.
 Венец правды zde зложен надежду являет:
 Вера, надежда, любов на их положенны
 Закон христов, трома сими утверждены.
 Исполнен Гагарынов герб предвечныя славы,
 На нем же благодати божой сложены уставы,
 И добры от отраслев плоды происходят;¹⁹
 Умножение верных сторишно приносять.²⁰

¹⁴ Токарев С. А. История русской этнографии. М., 2015. С. 87–90.

¹⁵ О поэтике посвящений в XVIII веке см.: Кочеткова Н. Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века: исследование, тексты, библиографический указатель. М.; СПб., 2020.

¹⁶ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941. С. 21. Здесь и далее цитаты приводятся по данному изданию, сохраняющему язык оригинала, но приспособленному под современную орфографию.

¹⁷ Там же. С. 22–23.

¹⁸ Ядовитая змея.

¹⁹ Формы глаголов 3-го л. мн. числа, оканчивающиеся на *-ть*, вероятно, являются украинизмами.

²⁰ Там же. С. 20.

Стоит сказать, что в целом роль князя Гагарина в организации и проведении миссионерской деятельности в Западной Сибири заслуживает упоминания. Перед отправлением миссии губернатор снабдил отряд Филофея судном, толмачами, гребцами, десятком казаков.²¹ Стихотворение, как видно, строится вокруг описания герба рода Гагариных, представляющего собой змею на кресте. Однако герб рода Гагариных к началу XVIII века выглядел иначе: «В щите, разделенном на четыре части, находится в середине малый щиток золотой, в коем изображены: дерево натурального цвета и на поверхности его княжеская корона, из-за которой выходит рука, облеченная в латы, держащая меч, вверх подъятый; а внизу сего щитка черный медведь».²² В то же время герб с лежащей на щите змеей является знаком молдавского рода Стурдза.²³ Примечательно, что две княжеские фамилии породнились в 1838 году после свадьбы Е. Г. Гагарина и М. А. Стурдзы, а в 1848 году Высочайшим указом их сыну дозволено носить фамилию Гагарин-Стурдза и совмещать на родовом гербе геральдические символы обоих родов.²⁴ Однако в первой трети XVIII века два рода еще не состояли в родстве, и почему Новицкий описывает гагаринский герб как герб рода Стурдза, на данный момент ответить затруднительно. Так или иначе, видно, что, как и во многих поэтических посвящениях киево-могилянское барочной литературы, образным центром стихотворения является визуальная эмблема.

Если посвящение князю Гагарину имеет по большей части ритуальное предназначение и исчерпывается художественными принципами барочного остроумия, то «Предисловие к читателю» задает совершенно иной тон восприятия книги. Концентрированно эти особенности выражены уже в первом предложении предисловия: «Странник и пришлец Себерской страны сей, в ней же многая удивлению и чудеси достойная, множайшее изобилие чудных и преславных вещей, наипаче же обще всего мира достойную радость в пределах сих утворъшеюся тебе, ласкавый читателю, предлагая несумненно есмь надежен благоприятный сих в сих искателствах твоему быти вестник».²⁵ Здесь мы можем видеть, что, во-первых, основной тон из возвышенно-панегирического, снабженного элементами ритуального этикета письменных посвящений трансформируется в интимный. Взамен устоявшейся в панегирической традиции роли говорящего как восторгающегося глашатая славы²⁶ здесь появляется личный голос рассказчика, попытка определения самого себя как «странника» и «пришлеца». Во-вторых, появляется личная авторская оценка Сибири как целостного пространства — ассоциирующегося не с варварством и идолопоклонством, а с чудесами и богатством. В-третьих, видна попытка наладить диалог с читателем, причем диалог интимный, что еще раз свидетельствует о личном голосе повествователя.

Примечателен личный авторский голос. В обращении к своему «ласкавому читателю» рассказчик описывает себя и свое положение следующим образом: «Узриш, яко странник бедствующий и пришлец, его же не желание любопытства ниже о всяких вещех искателство видения въведе семо, но брани смущения междоусобныя и времен злоключение предаша неволи; неволя же, общее приятелище многих узников, жилище и ужилище, царственную показа Сибирь, в ней же пребивание мое и самое состояние неволи яви творить, яко не

²¹ Катанав Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Тюмень, 2005. С. 46.

²² Общий гербовник дворянских родов Российской империи: В 24 ч. СПб., 1798. Ч. 1. С. 14.

²³ Там же. Ч. 11. С. 4.

²⁴ Долгоруков П. В. Российская родословная книга: В 4 ч. СПб., 1854. Ч. 1. С. 248.

²⁵ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 25.

²⁶ Погосян Е. А. «Да не молчаливи будем... Радость не терпит в нас молчания» (К семантике триумфа в петровскую эпоху) // Тартуские тетради. М., 2005. С. 237–252.

о хитросплетении риторского добровещания время удобно упражняться, но повседневно обучение».²⁷ Таким образом, рассказчик сам объясняет, что именно побудило его к созданию книги, а именно — ощущение неволи. Кроме того, обратим внимание на то, что выразительными образами, прочно ассоциирующимися у рассказчика с Сибирью, становятся холод и темнота: «...откуда снискать горестныя пищи; чим сохранитесь в сих полночных, мразных и мрачных странах от лютоги мразов, и се учителница ума, паче же помрачающая тма, погибель благих, умножение злых — неволя предложы повседневно уму обучение».²⁸

Наконец, завершается предисловие стихотворением, насколько мы можем судить, принадлежащим самому Новицкому:

Неволя ми смерть, се есть воскреснуть желаю.
Живо тело гроб ми есть, всегда умираю.
Скорб и печаль тяжцы умерщвляют,
В живом теле смертельным прахом покривают.
Но содержи сердце в руках своих, Боже,
Еже елико хошет, сътворити може.
Преклони к сей полезной страннм благодистине
От плачевной глубины здешной палестине
Возвести нас, плачевних странников бедственных,
Аки воскресить з мертвых скорбми умерщвленных.²⁹

В этом стихотворении развивается тема смерти в неволе на чужбине, заданная Новицким в предисловии.

Перейдем к основной части книги. Как и многие другие русскоязычные сочинения XVIII века, «Краткое описание...» содержит не только собственно этнографический материал. Начало этого сочинения посвящено описанию Сибири в целом: ее природных богатств, полезных ископаемых, которые необходимы для хозяйственного освоения территории, а также «мягкого золота» — пушнины («В пределех сих государство сие содержит зверей дражайших, различны родов: соболей, черных лисиц, великия и безмерныя драгости, иже неции мраморами нарыцають, горностай, белка и прочая зверы, яже инныя европейския государства не имеют»³⁰). Однако писателя интересует не только утилитарный потенциал сибирской природы, но и ее уникальность и экзотичность как таковая. Особенное впечатление на автора книги производят найденные в Сибири кости мамонтов: Новицким пересказывается знаменитый миф о подземном образе жизни доисторических животных, который позже будет развит В. Н. Татищевым.³¹

Далее, в главах 6–9, автором книги приводятся исторические сведения о Сибири, содержащие рассказ о происхождении народов этого региона, образовании Сибирского ханства, походе Ермака, его поединке с ханом Кучумом и установлении власти Московии на этих землях. По мнению комментаторов, с которыми трудно не согласиться, даже беглое сличение исторического фрагмента книги Новицкого обнаруживает явное влияние «Сибирской летописи» Саввы Есипова. Первый издатель «Краткого описания...» Л. Н. Майков доказывает знакомство Новицкого с Есиповской летописью теми факта-

²⁷ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остячком. С. 26–27.

²⁸ Там же. С. 27.

²⁹ Там же. С. 28.

³⁰ Там же. С. 29.

³¹ См.: Золотарева В. А., Трофимов А. Е. Экзотическая палеонтология XVIII века: В. Н. Татищев и мамонты // Летняя школа по русской литературе. 2023. Т. 19. № 3–4. С. 241–251.

ми, что, во-первых, многие исторические фрагменты из книги напрямую перекликаются с соответствующими фрагментами летописи; во-вторых, один из многочисленных списков сочинения Саввы Есипова написан малороссийской скорописью, и это позволяет Майкову сделать вывод о том, что переписчиком, вероятно, был сам Новицкий.³² Источники своих сведений об истории Сибири сам Новицкий представляет следующим образом: «Многолюдством зело доволно государство сие различных родов и дивных языков, от них же мнози суть безвестны в Европе, яко: Тунгусы, Остяки, Отяки, Якуты, Самоядцы, Брацкие Мужики, Пегая орда, Киргизы, Калмыки и прочая в совершенней и совершеннейше о сем государстве и жителствующих в нем народов известие некоего о сем государстве писателя приводим свидительство, еже есть тако».³³

История покорения Сибири представлена у Новицкого, по справедливому суждению комментаторов, как победа праведного христианского предводителя над язычеством и исламом. Вообще, исследователями неоднократно отмечалось, что летописная история Ермака имеет заметный агиографический след.³⁴ В то же время, сохраняя много общего с Есиповской летописью даже в плане фразеологии, «Краткое описание...» значительно переиначивает рассказ о Ермаке, лишая его легендарной христианской атрибутики. Ср.:

Есиповская летопись	«Краткое описание...»
<p>Посла Богъ очистить мѣсто и побѣдитъ бусорманскаго царя Кучума и раззорить Богомерзкая и нечестивая капища, и о еже быша вознеждеиіе звѣремъ и водвореніе сириномъ; избра бичъ не отъ славныхъ мужъ, ни Царска повелѣнія воеводъ, и вооружи славою и ратоборствомъ атамана Ермака Тимоѣева сына и съ нимъ 540 человекъ; Забыта бо сіи свѣта сего честь и славу, но смерть въ животь преложиша, и возириемши щить истинныя вѣры, и утвердившеся мужественно, и показавше храбрость предъ нечестивыми.³⁵</p>	<p>Ермак некий, Тимофеев сын, перво преиде од Дону на реку Волгу и тамо упражняшеся разбоем, многия иностранныя люди, персидския, кизылбашския купци и прочая разораше, от сего государствам купеческия промыслы и прибыли разорашуся. Между же государства нестроения, смущения и миру разорения зачинашуся, казни же на таковых от Россійскаго государства налагаемыя бяху. Надлежащей убо близ себе казни и сей Ермак убоися, бежа с единомысленники своими в Часовую реку, сиею же в ыныя реки, ими же внутр Сибирския земли текущими вниде, водным плаваніем внутр Сибирскаго царства, и малою дружиною в пяти стах и сорок человек силнаго сего Сибирская хана Кучума побиди и изгна от престола.³⁶</p>

Как видно, Новицкий предлагает читателю не летописную историю о христианском войне, а вполне исторически достоверный и лишенный легендарности рассказ. Таким образом, сохраняя след средневековой летописной традиции, во многом опираясь на приводимые в ней исторические сведения, Новицкий отказывается от стиля исторического повествования, свойственного древнерусской литературе.

³² Майков Л. Н. [Предисловие] // Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. V.

³³ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 32–33; курсив мой. — А. Т.

³⁴ См.: Ростовцева Ю. А. Сибирские летописи в контексте библейской традиции: история Ермака как христианский археоисюжет // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 343. С. 19–22.

³⁵ Есиповская летопись // Полн. собр. русских летописей: В 46 т. М., 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. С. 50.

³⁶ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 35.

Как уже было сказано выше, «Краткое описание...» состоит из двух частей — этнографической, посвященной быту, характеру и привычкам остяков, и исторической, рассказывающей об истории крещения этого народа. Перейдем к рассмотрению первой части.

Несмотря на религиозную направленность книги, первое, что бросается в глаза, это неагрессивное отношение автора к язычникам. Приведем фрагмент из книги Новицкого, где описываются сами остяки: «Народ сей в жытии своем нерадив, необычен мниться быти, аки последний от людей всего мира: обаче подобен лицезрением красоте народом европейским; ниже бо звереобразен, ниже коего чернотию одержым, яко прочия народы: Ефтиопы, Калмыки. Возрастом знаменитых немнози обретаются, но средне возрастом; очес малых, легкостию знамениты, в крепости славими немнози. Зело же прост и гражданства всякого чужд, во всех своих обычаях наченше от первых предел жытия их». Видно, что, кроме животного (т. е. непросвещенного, первобытного) уровня культуры, каких-либо отрицательных характеристик автор аборигенам не дает. Напротив, на протяжении всей книги автором неоднократно выражается сострадание к этим людям, погрязшим в нищете и грехе неверия. В связи с этим примечательным видится особая роль сибирского климата, который, по мнению автора книги, не может не отражаться на образе жизни аборигенов: «Удивлению достойная странное житие и дивныя обычая прежде воспоминаемого народа, иже своим селением удалися до полнощного лдистого окияна, и даже до самого студеного полнощного (его же арктикус нарицается) касается круга, иде же неудобное житию человеческому селение особеннейшим народу сему есть жылищем, толикого бо там жестокого студени от лдистого окияну наполнен воздух, яко всяким иностранным незносен, ужасен, зловредителен, народу же сему благоприятен, зане их всегдашнее тамо пребывание».³⁷ Исследователями истории идей не раз указывалось, что в России раннего XVIII века получили распространение западноевропейские идеи о связи формирования характера народов с окружающим их климатом. Так, к примеру, французским философом XVI века Ж. Бодэном в известном трактате «De Republica» была проведена параллель между климатическими условиями и складыванием разных форм государства у разных народов. Недавние исследования показали, что с идеями Бодэна, вероятно, был знаком Феофан Прокопович.³⁸ Насколько просвещен в этой области был Новицкий — вопрос, остающийся открытым.

Что немаловажно, Новицкий не только испытывает искреннюю жалость к язычникам, но также наделяет их рядом христианских добродетелей, как, например, терпением: «Аще обще всему миру десница всевышняго предустави предел в болезни родити чада, zde тояжде всемогуществова его десница призи рода сего. <...> Случается путь шествующым родити на пути, но сим препятиям недугом не удержити пути своего: рождъшееся отроча и болезнь в рождении тогожде часа снемши от земля, отерши снегом, идеть в подлежащий путь. Отроча же полагает себе к грудям за одежду, еже есть налимии кажаны ис кожи рыбы, нарыцаемой налим, обычно утворяет себе... <...> От обыкших терпению, не бывает терпение, и вящше нрав и обычай, ниже самая природа можетъ».³⁹ Общая добродетель остяков поддерживается убеждением автора книги о следовании аборигенов не христианскому закону, а закону иного характера — естественному: «...сей народ добре храняще естества закон

³⁷ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 25.

³⁸ Maslov B. Why Republics Always Fail: Pondering Feofan Prokopovich's Poetics of Absolutism // Вивлюфика. E-Journal of Eighteen-Century Russian Studies. 2014. Vol. 2. P. 24–46.

³⁹ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 41.

и многия на сем утверждаху добродетели, не слышится убо между ними краж, убийства и инных обид друг другу содевающих». ⁴⁰ Возможно, при анализе естественного закона жизни остяков Новицкий, будучи человеком прогрессивных взглядов и обширного образования, опирался на знания философской теории естественного состояния человека, предшествующего цивилизации. Так, достаточно давно известно, что, к примеру, на труды Г. Гроция и С. фон Пуфендорфа в «Правде воли монаршей» опирался Феофан Прокопович. ⁴¹ Разумеется, сочинения Феофана, написанного позже «Краткого описания...», Новицкий знать не мог, но знакомство миссионера с трудами западноевропейских философов вполне вероятно. Таким образом, автор книги видит в аборигенах людей, находящихся на начальном этапе развития общественных формаций, которым только предстоит прийти к пути истинному.

Сочувствие аборигенам проявляется и в признании их нищеты. Автор книги признает, что ради ничтожной добычи остякам приходится охотиться и вести быт в тяжелейших условиях. Любопытно оформление данной мысли, сопровождающееся в книге стихами: «...промысл и труды бедников оных снискаемую их же видя скудость, прилично сие помянуть им Овидия:

Собирает пчелы сот; но от трудов ясти,
Крупца им дается, иным же вся части,
Ни себе сладость сию пчелы собирают,
Горсть трудов приемше, инных услаждают.
Так и Остяк бедных, с премногими труды,
Собирает драгость шуб украшают, людий,
Сам наг горкой нищеты вся поносит злости,
Вес скуден, една кожа, под кожею кости». ⁴²

Описание нищего быта остяков контрастирует с тем, что основным родом их занятий является добывание предметов роскоши (пушнины) для богатых людей. В качестве поэтической иллюстрации этому явлению Новицкий приводит некий поэтический фрагмент, приписывая его Овидию. Надо сказать, что атрибуция данного фрагмента как перевода из сочинений Овидия вызывает ряд трудностей. Во-первых, на данный момент среди произведений римского поэта ни одного фрагмента, даже отдаленно напоминающего текст из книги Новицкого, не найдено; во-вторых, даже если оригинальный текст в действительности принадлежит Овидию, церковнославянский перевод, очевидно, слишком сильно изменил содержание оригинала, что выражается, например, в появлении образа остяка во второй части текста: ясно, что в гипотетическом латинском оригинале этого образа быть не могло (возможно, остяком Новицкий мог заменить какой-либо схожий образ в тексте Овидия).

Впрочем, подобная фактическая ошибка со стороны Новицкого, как кажется, отчасти объяснима. Овидиевский сюжет в русской культуре, как известно, тесно связан с темой ссылки, покинутости и одиночества, происходящего из сюжета о ссылке римского поэта на Черноморское побережье и основного мотива «Скорбных элегий». ⁴³ Не исключено, что Овидий оказывается для Новицкого важен не столько как фактический автор текста, сколько как историческая фигура, воплощающая в себе архетипический образец поэта-

⁴⁰ Там же. С. 42.

⁴¹ См.: Гурвич Г. Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

⁴² Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 47–48.

⁴³ См., например: Кибальник С. А. Тема изгнания в поэзии Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 33–50.

изгнанника. Если предположения верны, то случай «Краткого описания...» — по сути, первый пример обращения к сюжету о ссылке Овидия в русской литературе.

Опуская ряд чисто бытописательных подробностей, представляющих интерес скорее для этнографов, перейдем к важному для наших задач аспекту, а именно — к восприятию религиозных воззрений остяков Новицким. Пожалуй, единственной категорией остяцкого населения, которую Новицкий напрямую критикует, являются шаманы и жрецы языческих культов. Третья глава, называемая «О злочестии идолопоклония», резко контрастирует по своей тональности с предыдущими. Критике со стороны автора подвергаются шаманы, склонные ко лжи и наживе: «Жрец их и всяк самоделец кумира, или настоящих по наследию отец или сродник своих державец идола, чиновства же преоделительнаго по своему зловерию никакого не имеют: кто утворит или содержит идола, или себе претворит ревностию около идолов всегда упражняться, наипаче егда кто обще от всех вящше разумети мнится, то и жрец бывает». ⁴⁴ Новицкий подчеркивает, что грех кумирслужения проистекает из возможности каждого шамана создать своего собственного идола. Отмечается, что за счет обильных жертвоприношений со стороны остяков обогащались многие служители языческого культа. ⁴⁵ Относиться к идолопоклонникам иначе, как к служителям культа сатаны, религиозный писатель не может, в связи с чем часто сравнивает шаманов с дьяволами. Последние разделы данной главы посвящены описанию трех главных остяцких божеств — Обского Старика, Гуся и Кондинского идола, — а также связанных с ними обычаев и обрядов.

В целом, отношение автора «Краткого описания...» к изображаемым народам можно охарактеризовать как сочувствие к заблудшим душам, пребывающим в грехе первобытного неверия, и желание наставить их на путь истинный. Примечательным при этом видится наблюдение А. В. Жука о том, что даже при описании погребального обряда остяков Новицкий анализирует духовный кризис аборигенов. ⁴⁶

Наконец, главы IV–V посвящены истории крещения остяков и искоренения языческого мракобесия. В рамках этих глав фокус внимания рассказчика смещается с исключительно сибирских аборигенов на взаимодействие остяков и православного духовенства. Помимо этого общий тип авторской речи сменяется с описательного на повествовательный, так как в рассказ включается динамика исторического процесса. В этой части дается погодная запись процесса крещения Филофеем Лещинским хантов и манси в 1712–1715 годах. Именно вторая условная часть книги до сих пор остается не до конца исследованной.

В ней описываются козни против миссионеров, подстроенные татарскими князьями с целью обратить остяков в ислам. Так, например, один из противников крещения распространял среди аборигенного населения слухи о том, что младенцев заведомо топят в крестильной купели. Не обходится глава и без упоминания творимых миссионерами чудес, как, к примеру, изгнание бесов из остяцкой женщины: после того как один из священнослужителей

⁴⁴ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остячком. С. 53.

⁴⁵ Соколова Ю. А. Сведения Г. И. Новицкого о религиозных представлениях обских угров: источниковедческий анализ // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее. Сб. материалов XV Региональной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Тула, 2019. С. 313.

⁴⁶ Жук А. В. Первые интерпретации археологического и этнографического материала Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань; Омск, 2010. Ч. 1. С. 6.

приказал демонам покинуть ее тело, женщина упала, «аки мертва», затем, когда ее подняли, рассказала: «...прежде во своем злочестии име с демоны волхвования и сего ради неким духом недуга убеждена бых, но сей остави меня ныне». ⁴⁷ Подобные чудеса дополнительно указывают на общий полужитийный тон повествования. Завершается глава упоминанием постоянного дождя, проливавшегося на остяков во время крещения, как Божья благодать, для омытия их от «идолския скверны». Эта тема крещения водой и развивается в венчающем главу стихотворении. Река Обь, где главным образом произошло таинство крещения, сравнивается в стихотворении с Красным морем, отградившим еврейский народ от войск фараона:

Море когдась Евреом спасение в пути
Бысть, но в том же спасающим згиб Фараон люты.
Так славна Обь бысть морем люту Фараону,
Языком спасение и путь до Сиону.
Змиеву же вспали водою си главу,
Юже престол господство гордящуся славу
Вознесли в языцех, но той вознесенный
Сокрушы Обь волнами народ свободенный,
Воспеть благословенны обские суть вольны
Плененных врагом роды свободждают вольны. ⁴⁸

Подведем итоги. Несмотря на сложившийся статус сугубо научного этнографического сочинения, в книге Г. И. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком» явно присутствует ряд художественных черт. Прежде всего, это заметное влияние литературной традиции, что выражается в стихотворных вставках, житийных элементах, этикетной риторике, обращении к фольклору и мифологии. В то же время другой гранью книги, также выбивающейся за пределы сугубо научного текста, является личный голос рассказчика, пытающегося определить свою роль в окружающем мире и сетующего на судьбу. Можно сказать, что книга отличается стилистической пестротой, включая этнографическое описание, историческое повествование, светский панегирик, лирическую исповедь, житие и барочную поэзию.

Немаловажен и комплексный образ Сибири как «другого» пространства, складывающийся в тексте. Рассказчик задает как бы двойной ракурс восприятия этой земли. С одной стороны, православная традиция и личный духовный опыт прочно ассоциируют Сибирь с темнотой, холодом и диким язычеством, среди которого автор ощущает себя покинутым странником. С другой стороны, нельзя не отметить искренний интерес автора к деталям материального мира, из которых складывается общее представление о Сибири как о стране чудной и экзотической. Также не менее противоречивым оказывается и комплексный образ остяков как «другого» народа. Кажется, что аборигены вызывают отторжение и неприятие как нецивилизованные язычники, а задача автора — крестить неверных, подобно своим предшественникам-миссионерам. Тем не менее художественная составляющая текста — в первую очередь поэтические вкрапления — благодаря ассоциации остяков с героями библейской и античной культур позволяет сгладить отталкивающий образ дикарей до образа невинных заблудших душ, нуждающихся в просвещении и добром пастыре.

⁴⁷ Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 77.

⁴⁸ Там же. С. 79.

12. *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотворений / Сост., подг. текста и прим. А. А. Николаева. Л., 1987 (Библиотека поэта. Большая сер.).
13. *Успенский Б. А.* К истории одной эпиграммы Тредиаковского (Эпизод языковой полемики середины XVIII века) // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1996. 2-е изд., испр. и перераб. Т. 2.

References

1. *Berezina V. G.* Iz istorii «Sovremennika» Pushkina // Pushkin. Issledovaniia i materialy. M.; L., 1956. Vyp. 1.
2. *Gorfunkel' A. Kh., Nikolaev N. I.* Neotchuzhdaemaia tsennost'. Rassказы o knizhnykh redkostiakh universitetskoj biblioteki. L., 1984.
3. Lit. nasledstvo. 1988. T. 97. Fedor Ivanovich Tiutchev. Kn. 1.
4. *Nikolaev A. A.* K istorii podgotovki sbornika F. I. Tiutcheva (1854), izdannogo redaktsiei nekrasovskogo «Sovremennika» // Nekrasovskii sbornik. L., 1983. [T.] VIII.
5. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937–1949. T. 3. Kn. 1; T. 6; T. 16.
6. Rossiiskaia grammatika Antona Alekseevicha Barsova / Podg. teksta i tekstologicheskii komm. M. P. Tobolovoi; pod red. i s predisloviem B. A. Uspenskogo. M., 1981.
7. *Ryskin E.* Iz istorii pushkinskogo «Sovremennika» // Russkaia literatura. 1961. № 2.
8. *Ryskin E.* Zhurnal A. S. Pushkina «Sovremennik». 1836–1837. Ukazatel' soderzhanii. M., 1967.
9. Slovar' russkogo iazyka XVIII veka. SPb., 1998. Vyp. 10.
10. *Tiutchev F. I.* Lirika / Izd. podg. K. V. Pigarev. M., 1965. T. 1.
11. *Tiutchev F. I.* Poln. sobr. soch. i pis'ma: V 6 t. M., 2002. T. 1.
12. *Tiutchev F. I.* Poln. sobr. stikhotvorenii / Sost., podg. teksta i prim. A. A. Nikolaeva. L., 1987 (Библиотека поэта. Bol'shaia ser.).
13. *Uspenskii B. A.* K istorii odnoi epigrammy Trediakovskogo (Epizod iazykovoi polemiki sereiny XVIII veka) // Uspenskii B. A. Izbr. trudy. M., 1996. 2-e izd., ispr. i pererab. T. 2.

Артем Евгеньевич Трофимов

ведущий библиотекарь Библиотеки Российской академии наук,
Отдел рукописей

Artem Evgen'evich Trofimov

Leading Librarian, The Library of the Russian Academy of Science,
Department of Manuscripts

ORCID: 0009-0009-8684-3781

artem_trofimov_9@mail.ru

**«КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ О НАРОДЕ ОСТЯЦКОМ» (1715)
Г. И. НОВИЦКОГО КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ**

**GRIGORIY NOVITSKIY'S BRIEF DESCRIPTION OF
THE OSTYAK PEOPLE (1715) AS A LITERARY TEXT**

Статья посвящена книге Г. И. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком», памятнику сибирской письменности раннего XVIII века. Акцент в исследовании делается на рассмотрении литературной составляющей текста, до сих пор изучавшегося исключительно как исторический источник. В статье анализируются такие его художественные особенности, как апелляция к средневековой литературной традиции, поэтические вкрапления, цитирование произведений античных классиков и т. д.

Ключевые слова: Г. И. Новицкий, XVIII век, Сибирь, остяки, этнография.

The article deals with Grigoriy Novitskiy's book *Brief Description of the Ostyak People*, a document of Siberian writing of the early 18th century. Our studies focus on the literary features of the

text that formerly has been researched as a source of historical data only. Artistic features of the book, such as references to the medieval literary tradition, versified inclusions, citation of the Ancients etc. are analyzed in the article.

Key words: Grigoriy Novitskiy, the 18th century, Siberia, the Ostyaks, ethnography.

Список литературы

1. Асочакова В. Н., Чистанова С. С. Миссионерская деятельность как фактор освоения Сибири в XVII–XIX вв. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12.
2. Білокінь С. І. Новицький Григорій Ілліч // Енциклопедія історії України: У 11 т. Київ, 2010. Т. 7.
3. Горленко В. Ф. Украинский экземпляр рукописи сочинения Григория Новицкого «Краткое описание о народе Остячком и Вогульском и о крещении их» // Советская этнография. 1963. № 6.
4. Жук А. В. Первые интерпретации археологического и этнографического материала Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань; Омск, 2010. Ч. 1.
5. Золотарева В. А., Трофимов А. Е. Экзотическая палеонтология XVIII века: В. Н. Татищев и мамонты // Летняя школа по русской литературе. 2023. Т. 19. № 3–4.
6. Катанаев Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Тюмень, 2005.
7. Кибальник С. А. Тема изгнания в поэзии Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15.
8. Кочеткова Н. Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века: исследование, тексты, библиографический указатель. М.; СПб., 2020.
9. Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остячком. Новосибирск, 1941.
10. Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остячком. Тюмень, 2018.
11. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1971. Т. 3. Вып. 3. Исторические сборники XVIII–XIX веков.
12. Погосян Е. А. «Да не молчаливи будем... Радость не терпит в нас молчания» (К семантике триумфа в петровскую эпоху) // Тартуские тетради. М., 2005.
13. Полн. собр. русских летописей: В 46 т. М., 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи.
14. Ромодановская Е. К. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26. Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв.
15. Ростовцева Ю. А. Сибирские летописи в контексте библейской традиции: история Ермака как христианский археосюжет // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 343.
16. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Томск, 2009. Вып. 2. XVIII век.
17. Соколова Ю. А. Сведения Г. И. Новицкого о религиозных представлениях обских угров: источниковедческий анализ // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее. Сб. материалов XV Региональной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Тула, 2019.
18. Токарев С. А. История русской этнографии. М., 2015.
19. Maslov B. Why Republics Always Fail: Pondering Feofan Prokopovich's Poetics of Absolutism // Вивлюфіка. E-Journal of Eighteen-Century Russian Studies. 2014. Vol. 2.
20. Novickij G. Rövid leírás az osztják népről (1715) / Ford. I. Ferencz; bev. P. Hajdú. Szeged, 1973 (Studia uralo-altaica; vol. 3).

References

1. Asochakova V. N., Chistanova S. S. Missionerskaia deiatel'nost' kak faktor osvoeniia Sibiri v XVII–XIX vv. // Genesis: istoricheskie issledovaniia. 2018. № 12.
2. Bilokin' S. I. Novits'kii Grigoriĭ Illich // Entsiklopediia istoriĭ Ukraïni: U 11 t. Kiiiv, 2010. T. 7.
3. Gorlenko V. F. Ukrainskii ekzempliar rukopisi sochineniia Grigoriia Novitskogo «Kratkoe opisanie o narode Ostiatskom i Vogul'skom i o kreshchenii ikh» // Sovetskaia etnografiia. 1963. № 6.
4. Katanaev G. E. Kniaz' Matvei Petrovich Gagarin. Tiumen', 2005.
5. Kibal'nik S. A. Tema izgnaniia v poezii Pushkina // Pushkin. Issledovaniia i materialy. SPb., 1995. T. 15.
6. Kochetkova N. D. Posviashcheniia v russkikh izdaniakh XVIII veka: issledovanie, teksty, bibliograficheskii ukazatel'. M.; SPb., 2020.
7. Maslov B. Why Republics Always Fail: Pondering Feofan Prokopovich's Poetics of Absolutism // Vivliofika. E-Journal of Eighteen-Century Russian Studies. 2014. Vol. 2.

8. *Novichij G.* Rövid leírás az osztyák népről (1715) / Ford. I. Ferencz; bev. P. Hajdú. Szeged, 1973 (Studia uralo-altaica; vol. 3).
9. *Novitskii G. I.* Kratkoe opisanie o narode ostiatskom. Novosibirsk, 1941.
10. *Novitskii G. I.* Kratkoe opisanie o narode ostiatskom. Tiumen', 2018.
11. Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR. L., 1971. T. 3. Vyp. 3. Istorieskie sborniki XVIII–XIX vekov.
12. *Pogosian E. A.* «Da ne molchalivi budem... Radost' ne terpit v nas molchaniia» (K semantike triumfa v petrovskuiu epokhu) // Tartuskie tetradi. M., 2005.
13. Poln. sobr. russkikh letopisei: V 46 t. M., 1987. T. 36. Sibirskie letopisi. Ch. 1. Gruppy Esipovskoi letopisi.
14. *Romodanovskaia E. K.* Slaviano-russkie rukopisi nauchnoi biblioteki Tomskogo universiteta // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L., 1971. T. 26. Drevnerusskaia literatura i russkaia kul'tura XVIII–XX vv.
15. *Rostovtseva Iu. A.* Sibirskie letopisi v kontekste bibleiskoi traditsii: istoriia Ermaka kak khristianskii arkhoeosuzhet // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2011. № 343.
16. Slaviano-russkie rukopisi Nauchnoi biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Katalog. Tomsk, 2009. Vyp. 2. XVIII vek.
17. *Sokolova Iu. A.* Svedeniia G. I. Novitskogo o religioznykh predstavleniakh obskikh ugrov: istochnikovedcheskii analiz // Issledovatel'skii potentsial molodykh uchenykh: vzgliad v budushchee. Sb. materialov XV Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii magistrantov, aspirantov i molodykh uchenykh. Tula, 2019.
18. *Tokarev S. A.* Istoriia russkoi etnografii. M., 2015.
19. *Zhuk A. V.* Pervye interpretatsii arkhologicheskogo i etnograficheskogo materiala Sibiri // Integratsiia arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovani. Kazan'; Omsk, 2010. Ch. 1.
20. *Zolotareva V. A., Trofimov A. E.* Ekzoticheskaia paleontologiya XVIII veka: V. N. Tatishchev i mamonty // Letniia shkola po russkoi literature. 2023. T. 19. № 3–4.

Алексей Евгеньевич Козлов

научный сотрудник, доцент кафедры истории и теории литературы,
Новосибирский государственный университет

Alexey Evgen'evich Kozlov

Researcher, Associate Professor, Novosibirsk State University

ORCID: 0000-0003-0016-9546

alexeykozlov54@gmail.com

**«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ПИСЬМА»:
ПРОБЛЕМЫ КОНТЕКСТА, АТРИБУЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

**«CONSTANTINOPLE LETTERS»:
ISSUES OF CONTEXT, ATTRIBUTION AND INTERPRETATION**

В статье рассматривается серия анонимных публикаций, объединенных стамбульской тематикой: «Константинопольские письма», «Греческие письма», «Письмо из Перы», «Десять дней на Босфоре». Все эти публикации, появившиеся на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей» и подписанные криптонимами: Н., С. Н., М., свидетельствуют о своеобразном «присвоении» и «доместикации» ориентального пространства. Автором выявлены разнообразные традиции и претексты, усложняющие публицистический текст: путевая проза А. С. Пушкина и Ламартина, а также беллетристика У. Теккерея и Ч. Диккенса. Осуществлена попытка атрибуции анализируемых произведений писателю и дипломату Е. П. Новикову, находившемуся на службе с 1860 по 1882 год, изучена специфика пространственного воображения, связанного с идеологическим проектированием.

Ключевые слова: русская литература XIX века, ориентализм, литература путешествий, Новиков, Стамбульский текст, атрибуция.

The article examines a series of anonymous publications united by the Istanbul theme: «Constantinople Letters», «Greek Letters», «Letter from Pera», «Ten Days on the Bosphorus». All these